

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО АЛОГИЗМА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

А. А. Заяц

Дальневосточный федеральный университет

Поступила в редакцию 16 июня 2016 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка выявить особенности функционирования метафорического алогизма в различных тактиках английской речи. Дается определение метафорическому алогизму. Установлено, что данное явление способствует успешной реализации тактик «Коррекция модели мира», «Коррекция ценностных установок», «Контроль над пониманием» и «Игра на понижение статуса».

Ключевые слова: метафорический алогизм, контрадикторность, речевая тактика, адресат высказывания, манипулирование, коммуникативный ход.

Abstract: the article defines the concept of metaphorical alogism, describes its essential characteristics and demonstrates how its use contributes to fulfill the tactics "Worldview correction", "Defection of Values", "Control over understanding" and "Status downgrading game".

Key words: metaphoric alogism, contradiction, speech tactics, addressee, manipulation, communicative move.

В настоящей статье речь пойдет о феномене метафорического алогизма и его коммуникативной функции. Мы предложим свое понимание данного феномена и приведем ряд тактик, в которых оно используется. Целью исследования выступает анализ воздействующего потенциала метафорического алогизма.

Данная работа представляет собой часть обширного исследования в рамках теории коммуникации, которое основывается на идее о взаимосвязи естественного языка и математической логики и возможности представить высказывание естественного языка в виде логического умозаключения. Методологической базой данной работы послужила сплошная выборка фрагментов текста; композиционный анализ, необходимый для рассмотрения ситуаций общения в совокупности с языковыми средствами их реализации; дискурсный анализ, направленный на учет статусных отношений участников общения; метод логического анализа, который позволяет представить высказывания с метафорическим алогизмом в виде логических умозаключений.

Данное исследование было проведено на произведениях английских и американских авторов XX – начала XXI в. Общий объем рассмотренного англоязычного материала составил 4367 страниц.

Известно, что любая коммуникация направлена на воздействие на адресата речи. Одной из разновидностей воздействия, активно изучающегося сегодня, является манипулирование. Под манипулированием понимается такое речевое воздействие, в результате которого осуществляется скрытое внедрение в пси-

хику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент [1; 2]. Стратегии манипулирования строятся не на убеждении, а на внушении. Иллюзия самостоятельности сделанных реципиентом выводов создается в результате особой организации речи: ключевые компоненты смысла в ней зачастую имплицитно, субъективная точка зрения преподносится в качестве исходной очевидности, выводы навязываются адресату в завуалированном виде.

Завуалирование позиций говорящего становится возможным при нарушении логической структуры высказывания, содержащего метафорический алогизм. Под метафорическим алогизмом (далее – МА) мы понимаем результат ментальной операции, объединяющий три понятийные сферы таким образом, что две из них используются для концептуализации новой сферы [3]. МА способен ввести в заблуждение, затруднить понимание (что, в свою очередь, может быть реализацией тех или иных целей говорящего). В большинстве случаев говорящий направляет свое речевое поведение на трансформацию знаний, оценок, интенций, представлений о ситуации. С помощью МА говорящий передает свои особым образом структурированные знания, воздействуя, таким образом, на адресата. Подобное воздействие объясняется наличием в умозаключении (а высказывание с МА мы представляем как логическое умозаключение) нового термина.

Сильный воздействующий потенциал МА объясняется тем, что, по мнению А. А. Федосеева, метафора является эффективным когнитивным инструментом манипулирования [4]. Предмет нашего исследо-

вания – МА – осложнен не только особым механизмом формирования, но и своеобразным способом интерпретации, поскольку нарушает общепринятую логику высказывания. Как полагает С. Кара-Мурза, слова, противоречащие очевидности и здравому смыслу, подрывают логическое мышление и тем самым повышают потенциальную вероятность манипуляции человеческим сознанием [5].

В настоящей статье мы рассмотрим стратегию манипулирования, которая реализуется в том числе в таких тактиках, как «Коррекция модели мира», «Коррекция ценностных установок», «Контроль над пониманием» и «Игра на понижение статуса». Рассмотрим реализацию данных тактик на примере некоторых коммуникативных ситуаций. Названия обозначенных тактик мы принимаем вслед за О. С. Иссерс.

Тактика «Коррекция модели мира»

Тактика реализуется в коммуникативных ходах подсказки либо ходах, содержащих дополнительное описание коммуникативной ситуации. Целью коммуникативного хода, реализующего данную тактику, является утверждение общности модели мира. По мнению О. С. Иссерс, в большинстве случаев выражение является той или иной тактикой, если оно влечет за собой интерпретацию [6]. При этом необходим анализ коммуникативного хода (самого высказывания) + предыдущее и последующее высказывания. Лишь в этом случае интерпретация речевой тактики будет верной. Например:

“Surely, Sir William, this is the matter either for the Board of Trade or the Mines Department”.

“We are at the disposal of each of these bodies”, squeaked Billy. “We are – Hee! Hee! – *the orphan child of both*” [7, p. 253].

Участники данной ситуации рассуждают о несовершенстве управленческой системы, сетуя, что сами являются заложниками отношений между торговой системой и шахтоуправлением. Чтобы снять ответственность с себя и объяснить свое бездействие, они в ироничной форме называют себя *the orphan child of both*. Согласно Толковому словарю современного английского языка, существительное *orphan* означает «человека, потерявшего одного или обоих родителей» (person (esp. a child) who has lost one or both of his parents). Говорящий не знает, как себя назвать, чтобы оправдать бездействие, и выбирает слово *orphan*: сфера 1 – свойство «нет родителей»; сфера 2 – имя *orphan*, но свойство со знаком «минус»: the Board of Trade and the Mines Department – это и есть «родители»; сфера 3 – выбранное для номинации имя *orphan*, но со значением «сирота при живых родителях». Таким образом, сферы 1 и 2 находятся в контрадикторных отношениях, предоставляя свойство (сфера 1) и имя (сфера 2) для номинации сферы 3. В ней-то и

формируется алогизм *the orphan child of both*: «имея обоих родителей, ребенок все же остается сиротой».

Тактика «Коррекция ценностных установок»

Данная тактика направлена на изменение ценностных ориентиров. Особенно часто она имеет место в сфере политического общения, в которой сталкиваются противоположные взгляды, а действовать прямо – неприемлемо. Целью общения в подобного рода коммуникации является переубеждение оппонента посредством трансформации в его системе ценностей. Например:

“Let’s write an honest Immigration Act that spells things out the way they are. Let’s quit having one face at the United Nations, hobnobbing with the coloureds, and another face at home...”

“Are you insane?” incredulously, half-whispering, James Howden mouthed the question. His eyes were on Warrender. Of course, he thought, he had been given a clue: what had been said at the Government House reception... but he had assumed the effect of liquor... Then he remembered Margaret’s words: I’ve sometimes thought that Harvey is just a little mad.

Harvey Warrender breathed heavily; his nostrils quivered. “No,” he answered, “I’m not insane; just tired of damned hypocrisy.”

“Honesty is fine,” Howden said. His anger had dissipated now. “But that kind is political suicide.”

“How do we know when nobody’s tried it? How do we know people wouldn’t like to be told what they already know?”

Quietly James Howden asked, “What’s your alternative?”

“You mean if we don’t write a new Immigration Act?”

“Yes.”

“Then I’ll enforce the one we have right down the line” [8, p. 150–153].

Высказывание *honesty is political suicide*, на первый взгляд, обладает противоречивым смыслом. Однако, проанализировав ситуацию, в которой происходит общение, мы получаем возможность интерпретировать данный коммуникативный ход. В этой ситуации два участника, каждый из которых обладает своим представлением о том, каким должно быть Положение об Иммиграции. Один из них полагает, что в основе документа должна лежать честность, другой же считает, что в политике ей не место. Пытаясь убедить в этом собеседника, Хауден использует МА *honesty is political suicide*. Для создания структурной схемы данного МА обратимся к толковому словарю:

Honesty – freedom from deceit, cheating, etc.; political suicide – that makes continuance in office, etc, impossible.

Таким образом, в образовании МА участвует сфера 1 (свойство *not free from deceit and cheating*), сфера 2 (имя *political suicide*) и сфера 3, объединяющая имя сферы 1 и свойство сферы 2. Данное логическое противоречие, употребленное официальным лицом, вполне способно изменить ценностный ориентир того, кому оно адресовано.

Еще одной сферой употребления МА в тактике «Коррекция ценностных установок» является сфера повседневного общения. Например:

He [Richard] gently lays his head on his left shoulder, and ignores me [Rudy].

“Eight thousand. Pretty good money, don’t you think, Rudy?”

“Yeah.” Sounds like a small fortune to me. “No way to find another job making that much money, you know? Impossible in this city. Nobody’s hiring. Too many *damned lawyers*.”

No kidding.

He wipes his eyes with his fingers, then slowly rises to his feet. “I gotta tell my wife,” he mumbles to himself... [9, p. 47]

В диалоге принимают участие Ричард Спейн, партнер адвокатской компании Brondax and Speer, и Руди Бейлор, начинающий адвокат. Ричарда уволили с работы, и он расстроен тем, что найти такое же выгодное место очень сложно. Молодой человек объясняет это тем, что в большом городе никто не принимает адвокатов на работу, их слишком много. При этом он употребляет МА *damned lawyers*. Согласно словарной дефиниции, *damned* – (colloq.) very bad. Представим данный МА в виде структурной схемы: сфера 1 (свойство “very good”) + сфера 2 (имя *damned* со свойством “very good”) = сфера 3 (имя *damned* со значением “very good”). Так образовался МА, смысл которого заключается в следующем: *слишком много опытных, хорошо знающих свое дело адвокатов*. Именно в этом Ричард и хочет убедить Руди. Как показывает анализ данной коммуникативной ситуации, при выборе той или иной тактики коммуникант предусматривает одновременно и реакцию собеседника на все возможные повороты изменения дискурса, его речевого поведения в последующем, т.е. не только учитывает все факторы, связанные с иницирующей репликой, но и предвосхищает реакцию на реплику. Тактика выбирается по признаку благоприятности дальнейшего развития диалога и событий для говорящего.

Тактика «Контроль над пониманием»

Процесс управления диалогом осуществляется в рамках глобальной коммуникативной задачи говорящего и определяется задачами на конкретном этапе общения. Несомненно то, что реализация личных целей осуществляется гораздо проще, если общение

строится на доверительных отношениях. Для этого используются коммуникативные ходы, вынуждающие адресата все время оставаться в рамках той темы, которая выбрана говорящим как наиболее приоритетная. При этом говорящий способен утвердить слушающего в мысли, что общение происходит на равных. Паритет подтверждается правотой адресата. Проиллюстрируем сказанное следующим примером:

“Why do you want your part in this kept secret?”

Momentarily the Senator seemed nonplussed, then brightened. “There is a text in the good book. I believe it reads: ‘When thou doest alms, let not thy left hand know what thy right hand doeth’.”

It was dramatically done. But something had clicked in Alan Maitland’s brain. He asked quietly, “Alms, sir, or politics?”

The Senator’s brows came down. “I’m afraid I don’t follow you.”

“Immigration right now is a top political issue. This particular case has already been in the papers and could stir up a lot of trouble for the Government. Isn’t that what you had in mind, Senator – just using this man on the ship as a kind of pawn? Isn’t that why you wanted me – someone young and green instead of your regular low firm, who’d be identified with you? I’m sorry, sir, but that’s not the way I plan to practice law.”

Somehow, Alan realized, the situation had changed, though he was not sure in which way. The only thing he was certain of that Senator Deveraux was a man of many facets.

“Very well; so *all our cards are face up on the table*.” The Senator’s tone had changed softly; it was less ponderous, more as if directed to an equal. “Let us suppose that everything you allege is true. Is this young man on the ship still not entitled to legal help? If you were drowning, my boy, would you care if the one who swam to save you did so because he considered you might be of use to him alive?”

“No,” Alan said. “I don’t suppose I would.”

“What, then is the difference? – if there is a difference. Allow me to ask you something. You believe, I assume, in the correction of injustice.”

“Of course.”

“Of course. Let us consider, then, this young man on the ship. He has no legal rights, we are told. He is not a Canadian, or a bona fide, immigrant, not even a transient who has landed and will leave soon. In the law’s eyes he is not even present. Therefore, even though he may wish to appeal to the law – to plead in court for admittance to this or any other country – he cannot do so. Is that correct?”

Alan smiled wryly. “Yes.”

“And yet supposing tonight, on the ship in Vancouver Harbour, this same man committed murder or arson. What would happen to him?”

Alan nodded. He could see the question's point. "He'd be taken ashore and tried."

"Exactly, my boy. And if guilty he would be punished, and never mind his status or the lack of it."

It was a neatly packaged argument. Not surprisingly, Alan reflected, the old man had a smooth debater's skill. But skillful or not, the point he made was sound [10, p. 130–132].

В данной беседе общение происходит между начинающим адвокатом Аланом Мейтлэндом и Сенатором Девероксом. Сенатор предлагает Алану ведение дела Дэна Дьювела, моряка, находящегося на борту зашедшего в Канаду корабля. Отсутствие у этого моряка какого-либо гражданства и права на признание его статуса иммигранта становится не только предметом данного разговора, но обретает политическую окраску. «Защита» моряка оборачивается козырем в предвыборной борьбе. Алан, уловив корысть в стремлении высокопоставленных чиновников, делает попытку отказаться от этого дела. Однако Сенатор, не желая упустить возможность продемонстрировать свое «благородство», прибегает к ряду тактик, с помощью которых он мог бы переубедить молодого и неопытного адвоката. С этой целью он прибегает к ряду искусных тактик (тактика моделирования общих пресуппозиций – цитата из Библии на языке среднеанглийского периода, пересказ истории моряка на судне; тактика игры на повышение – отзыв о молодом адвокате, как о способном юристе; тактика похвалы). Не признаваясь открыто в своих далеко идущих планах, Сенатор прибегает к обману, который содержится во фразе *all our cards are face up on the table* (наши карты раскрыты). Механизм его реализации следующий: сфера 1 со значением "all cards are hidden" вступает в контрадикторные отношения со сферой 2 (имя "all cards are face up on the table" со значением "all cards are hidden") и реализуется сфера 3 "all our cards are face up on the table" с противоположным значением. Далее за этим выражением следует ряд безукоризненно выстроенных аргументов в защиту своих доводов, с которыми Алан не может не согласиться. При этом он понимает, что Сенатор обладает великолепной способностью убеждать.

Таким образом, контроль над пониманием собеседника осуществляется в данном случае при помощи переключения внимания посредством использования МА.

Тактика «Игра на понижение статуса»

В подавляющем большинстве случаев употребления МА реализуют нюансы смысла, носящие окказиональный характер. По мнению Г. Г. Матвеевой, «при актуализации речевых планов-вариантов одновременно на исходные грамматические и лексические значения выбираемых лингвистических единиц накладываются дополнительные нюансы смысла» [11]. Основным признаком дополнительного нюанса смыс-

ла является то, что он возникает с формированием нового коммуникативного хода и исчезает с его завершением. Дополнительные нюансы смысла обладают воздействующей силой, которая распространяется на тех, кто воспринимает речевое высказывание. Особенно успешно это используется в попытках понизить статус адресата. Следующие примеры наглядно это иллюстрируют:

"I can't stay here", Kelly says softly and awkwardly.

"So where do you go?" I ask.

Robin has been thinking about this. "Well, the counselor we talked to this morning told us about a shelter for abused women, sort of a secret place that's not officially registered with the county and state. It's some type of home here in the city, sort of a word-of-mouth place. The women are safe because their *beloved men* can't find them. Problem is, it costs a hundred bucks a day, and she can stay only for a week. I don't earn a hundred dollars a day".

"Is that where you want to go?" I ask Kelly. She nods painfully.

"Fine. I'll take you tomorrow" [9, p. 539–540].

В приведенном отрывке речь идет о заведении для женщин, подвергшихся жестокому обращению со стороны своих мужей. Для номинации используется единица *beloved men*, согласно словарям имеющая значение "the person that you love most" [12–16]. В данном контексте реализуется контрадикторный смысл (результат взаимодействия сфер 1 и 2), который является алогичным. Одновременно он передает знание о том, что пострадавшие женщины испытывают сильный страх по отношению к своим мужьям, но все же продолжают испытывать к ним сильное чувство любви, поскольку после пребывания в этом заведении возвращаются домой, и мало кто из них подает на развод.

Таким образом, выражение, передающее неожиданный нюанс смысла, используется как эффективная тактика понижения статуса третьего лица. При этом следует отметить, что подобное выражение носит некатегоричный характер, являющийся отличительной чертой английской речи.

В приведенном примере осуществляется попытка понизить статус третьего лица, отнести его к кругу «чужой». Встречаются случаи, когда данная тактика направлена на дискредитацию своего круга. Тем самым говорящий отделяет себя от этого круга. При этом происходит обвинение лица, на которое направлена тактика. Обвинение, согласно точке зрения О. С. Иссерс, «не предполагает намерения унижить, уязвить, представить в смешном виде» [6, p. 161]. Например:

"There are a lot of things, Mr Prime Minister, which the facts don't tell: the conditions on the ship; a man cooped up in a hole no better than an animal's cage; a human being with no freedom, no hope..."

“Has it occurred to you, Mr Maitland”, Howden interjected, “that this is not a Canadian ship; that some of these conditions have existed for a considerable time; and that they are of no concern to this country?”

“Then whose concern are they? Sir, I ask you.” Alan’s eyes flashed fire, his initial nervousness forgotten. “Are we not to have concern for human beings who don’t belong to our *nice tight club*?”

James Howden answered patiently, “You speak of a nice tight club. Are you aware that Canada’s record on immigration is one of the best in the world?”

Alan Maitland leaned forward in his chair. “There really are laws and regulations covering this kind of thing and if they’re to mean anything they must be observed” [8, p. 359–360].

В приведенном фрагменте молодой адвокат Алан Мейтлэнд отстаивает свою позицию, которая заключается в несогласии с существующим актом об иммиграции. Премьер-министр Хаудэн приводит аргументы в пользу данного документа (“Are you aware that Canada’s record on immigration is one of the best in the world?”). При этом он напоминает, что нелегал, находящийся на судне в порту, не имеет никакого гражданства и что, по сути, это дело их не касается. Хаудэн, таким образом, очерчивает круг «свои», в который входит и Алан. Но молодой человек, не согласный с таким положением дел, пытается отделить себя от этого круга, поскольку его принципы отличны от тех, которых придерживается, в частности, премьер-министр. Для достижения этой цели он использует тактику понижения статуса и МА *nice tight club*: сфера 1 (имя *nasty*, не используемое в номинации, но представляющее свое значение “morally dirty and unpleasant”) соединяется со сферой 2 (имя *nice* со значением “morally dirty and unpleasant”) и объединяется в сфере 3 (имя *nice* со значением “morally dirty and unpleasant”).

Проведенный анализ функционирования МА в коммуникативных ситуациях позволяет сделать вывод о его способности скрыть интенции говорящего и тем самым манипулировать собеседником. Такой манипулятивный потенциал объясняется особенностью образования МА. Сфера 3 (результат данного процесса) представляет собой слово (или высказывание), являющееся логической ошибкой. Эта ошибка на уровне терминов (единиц логического умозаключения) носит преднамеренный характер: говорящий осознанно подменяет термины или нарушает объем

понятий. На уровне естественного языка такое высказывание содержит иронию.

Анализ лишь нескольких тактик позволяет прийти к выводу, что метафорический алогизм выступает эффективным средством воздействия на собеседника и если даже не приводит к желаемому результату в полном объеме, то заявляет позицию говорящего по тому или иному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2003. – 848 с.

2. Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

3. Заяц А. А. Дискурсивный аспект метафорического алогизма (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Заяц. – Иркутск, 2006. – 135 с.

4. Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Федосеев. – Челябинск, 2004. – 20 с.

5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.

6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 284 с.

7. Cronin A. J. The Citadel / A. J. Cronin. – M., 1955.

8. Hailey A. In High Places / A. Hailey. – Pan Books, 1995. – 427 p.

9. Grisham J. The Rainmaker / J. Grisham. – N. Y. : Island Books, 1995. – 598 p.

10. Hailey A. Airport / A. Hailey. – M. : Айрис-пресс, 2005. – 320 с.

11. Матвеева Г. Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя / Г. Г. Матвеева. – Режим доступа: <http://www.rspu.edu.ru/projects/deutch/note44/html>

12. Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh : Pearson Education Limited, 2001. – 1668 p.

13. Longman Dictionary of American English. – N. Y. : Parson Education. Longman, 2000. – 933 p.

14. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Bombay : Oxford University Press, 1987. – 1264 p.

15. New Riverside University Dictionary. – Houghton : The Riverside Publishing Company. Webster’s II, 1988. – 1536 p.

16. Oxford Advanced Learners’s Dictionary of Current English. – Russian Language Publishers, M., 1982.

Дальневосточный федеральный университет

Заяц А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры образования в области романо-германских языков

E-mail: ann-zayats@yandex.ru

Тел.: 8-914-794-82-18

Far Eastern Federal University

Zayats A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Education in the Romance-Germanic Field

E-mail: ann-zayats@yandex.ru

Tel.: 8-914-794-82-18